

рассказа, реплики, комментария, суеверной приметы и т.д. Форму *былички* получала любая житейская история, осмысленная как следствие контакта с «нечистой» (*Духовная культура Белозерья*, 1997; 49). Эта структурная неоформленность текста *былички* — еще одна трудность в выделении ее как самостоятельного жанра, смешивание ее с другими жанрами несказочной прозы. Динамичный характер, занимательность нередко сближает *быличку* по содержанию с такими жанрами, как сказка и анекдот, а по достоверности и включенности в повседневность — с бывальщиной или легендой, по функциональной направленности — с приметой, поверьем (*Духовная культура Белозерья*, 1997; 49).

«Установка на достоверность» является главной чертой, отделяющей *быличку* от сказок и других жанров устной прозы: в *быличку* «верят» и те, кто рассказывает, и те, кто слушает. Точные ссылки на место, время события, других его участников и детали, подчеркивающие реальность происшедшего здесь не только являются смысловым каркасом, но и определяют эстетическое достоинство *былички*. Поэтому *быличка* всегда носит характер свидетельского показания: рассказчик либо сообщает о пережитом им самим случае, либо ссылается на авторитет того лица, от которого он об этом случае слышал (... Мужик Кузьмин рассказывал мне и божился, ... соседка, вон та рассказывала, что напротив живет...).

Поскольку подлинная *быличка* является бесхитростным свидетельским показанием, она большей частью одноэпизодна и невелика по объёму. Ее отличает приземленность обстановки — действие *былички* происходит среди знакомой местности, и главными ее героями являются реальные, знакомые люди или даже сам рассказчик, которые в момент вторжения в их жизнь чего-то необычайного являются самыми обычными делами³. Однако желание рассказать как можно убедительнее, достовернее приводит к тому, что вводятся детали, материально свидетельствующие, что это был не сон, не фантазия, — они-то и превращают *быличку* в бывальщину. Чем больше деталей в *быличке*, чем сложнее её сюжет, тем дальше она отходит от мемуарата, тем ближе она к развлекательному повествованию. В устах рассказчика она часто вообще теряет основной жанровый и даже видовой признак — доминантной становится не информативная функция, а эстетическая. Рассказчик уже не стремится как можно точнее информировать слушателей о страшном, непонятном происшествии, а хочет развлечь их занятным рассказом о необычном.

³http://ufonav.spb.ru/ufo_nav/page2.phtml?num_m=748&mo-%ED%EE%FF%E1%F0%FC&num_d=200118&d=dictionary.

Структура былички, её композиция, система её образов, поэтические приёмы, портрет, пейзаж, образ рассказчика — всё это определяется основной функцией *быличек*, подчиняется главной задаче: доказать, утвердить, подкрепить то или иное верование. Своеобразным лирическим героем *былички* является свидетель, и образ этого свидетеля, его вера в достоверность рассказываемого, его потрясённость встречей с существами потустороннего мира всегда в ней наличествует, независимо от того, рассказывается ли она от первого лица или является переложением рассказа соседа, отца, деда...

Можно отметить в *быличке* некоторые особенности создания портрета демонического существа, о котором ведётся рассказ. В подавляющем числе *быличек* портрет нарочито неопределён и построен на каком-то одном признаке: рассказчик не называет того, кто ему встретился, он упоминает только, что кто-то вздохнул, захохотал, загремел, зашуршал, мелькнул над рекой, прикоснулся к нему лохматой шерстистой лапой, захлопал в ладоши и т.д. Поскольку рассказ воспринимался слушателями, которые знали о существовании лешего, домового, водяного, то для всех было ясно, о ком идёт речь. Очевидно, некоторую роль играл в данном случае и запрет называть нечистого напрямую, по имени.

Однако встречаются *былички*, в которых присутствует детализированный зрительный образ, например, рост лешего (вышиной с елку, ростом по траве...; в белой/красной рубаше), или цвет волос русалок (...сидит женщина с зелёными волосами и чешет...), или волосающей покров домового (...лапой шерстистой проведет...), признаки покойника (отсутствие бровей, длинные ногти, холод...).

Действия демонических существ в наиболее типичных *быличках* очень просты: показалось, захохотало, защекотало, завело и т.д. Однако они могут усложняться, приобретать психологическую мотивировку. В таком случае простой эпизод разрастается в сложный сюжет, меморат превращается в фабулат, рассказ выходит за жанровые границы *былички*, становится *бывальщиной*. Это уже истории о лешем, водяном и русалке, а не свидетельские показания о встрече со сверхъестественным существом, как это характерно для *былички*.

Тем, что *быличка* рассказывает о страшном, определяется и преобладание в ней, в отличие от сказки и легенды, трагического исхода: после встречи с лешим, русалкой, водяным, хозяином земных недр человек начинает задумываться, становится мрачным, угрюмым, чахнет, пропадает или даже гибнет. Таинственность содержания и трагичный финал *былички*, её близость к кошмару и сновидению определяют многие детали повествования, усугубляющие её

зловещий смысл, в частности — сказываются в характере пейзажа и диктуют описание времени. В подавляющем числе *быличек* все события происходят в темноте: в сумерках, вечером, ночью, в туман, призрачную месячную ночь. Место действия обычно уединённое: пустынное место, кладбище, болото, берег реки, мельничная плотина, заброшенная шахта. Рассказчик подчёркивает зловещность обстановки, мрачность пейзажа (неподвижная река, ельник угрюмый, темный голбец...)⁴.

Несмотря на то, что эстетическая функция в *быличках* вторична и стилистические средства в них менее выработаны, чем в сказочных жанрах, можно всё же обнаружить их жанровые приметы не только в содержании и системе образов, но и в композиционных и изобразительных средствах. Повествовательный характер жанра обуславливает особую роль глагола: нередко он актуализируется в структуре предложения и всего текста и выносится на первое место в конструкции, и нередко вся *быличка* начинается именно с глагола (Иду я через поле..., Решила спуститься в голбец..., Пошла я как-то домой одна через лес...). Поскольку в *быличке* обычно говорится об исключительном случае, нарушающем течение нормальной жизни, в подавляющем количестве *быличек* после одной-двух вводных фраз словом «вдруг» или каким-либо равнозначным ему, или же интонацией, передающей неожиданность, начинается кульминация повествования (...и тут вдруг как кто меня схватит..., ...вдруг мужик из-за елки...). Подобный композиционный приём типичен для *быличек* разных циклов, является своеобразным общим местом, поэтому его можно рассматривать как конститутивный признак *былички*.

Быличка в своих истоках связана с системой мифологических представлений о наличии, происхождении, внешнем виде, свойствах, вредоносных или положительных воздействиях на людей целого сонма мифических существ (*Народные знания*, 1991; 27). Эта же система лежит и в основе формирования жанра *бывальщины*. Поэтому в большинстве работ по этнографии и фольклористике эти термины используют одновременно, или даже тождественно, для обозначения несказочных жанров устной прозы, повествующей о сверхъестественных явлениях.

В задачу составителя данного сборника входило представить некий обобщенный обзор мифологических верований, зафиксированных на территории Куединского района, разграничить же данные

⁴ Померанцева Э. В. Устные рассказы о мифических существах и их жанровые особенности Исследование постига русских суеверных меморатов.: [http:// cooler12.boom.ru/ID_61_29_14.htm](http://cooler12.boom.ru/ID_61_29_14.htm). (проверено 01.10.04)

жанры в условиях полевых записей бесед с информантами не представляется возможным. Это во многом связано с эффектом присутствия исследователя, что накладывает отпечаток на структурные и содержательные аспекты этих рассказов: информант ориентируется на незнакомого человека, целенаправленно рассказывает о нечистой силе, о встречах с ней, но рассказывает, направляемый исследователем⁵.

Былички и *бывальщины* создаются на одинаковую тематику, имеют один и тот же основной образ, во многом совпадают сюжетно и едины в своей основной установке на «истинность». Разница заключается только в степени обобщенности рассказа, характере его локализации, степени близости к свидетельскому показанию. Можно, конечно, говорить о большей близости *бывальщины* к сказке, а *былички* — к деловой информации, т.е. о разнице в тенденции рассказа. Однако это не дает в руки исследователя необходимых постоянных признаков для классификации. Поэтому при обзоре устной прозы о нечисти приходится отказаться от жанровой классификации и ограничиться рассмотрением ее по сюжетам, или, вернее, по тематическим циклам. Поэтому в данной работе термины *быличка* и *бывальщина* используются как общее терминологическое обозначение жанра рассказа о нечисти, а материал располагается тематически.

Тексты *быличек* и *бывальщин* можно воспринимать по-разному. Кто-то видит в них лишь отголоски седой старины, суеверные предрассудки предков. Однако это лишь поверхностный взгляд на многоплановый и многофункциональный феномен, — такой, как мифологические рассказы и представления. Несомненно, *былички*, наряду с другими жанрами фольклора и явлениями традиционной культуры, позволяют нам реконструировать мифологические представления предков. Но *быличка* — это еще и способ передачи накопленного

⁵ «Вообще стоит специально заметить, что в кругу хороших знатоков традиционного фольклора Севера и Сибири устные рассказы такого рода бытуют как *бывальщины*, а в том случае, если среди слушателей оказываются посторонние лица, плохо знающие местность, традиционную культуру и фольклор, в особенности язык коренного населения, *бывальщина* может рассказываться от первого лица и превращается в *быличку*. Если та же история будет зафиксирована в дневниках путешественника, то в таком контексте очень трудно отличить фольклорный рассказ, случайно услышанный автором дневника, от рассказа о реальном событии. Но если на подобный рассказ впоследствии обращает внимание кто-то из посторонних, мало знакомых с традиционным фольклором местных жителей, например, заезжий журналист — вот тут и начинается сенсация того типа, до какого падки читатели бульварной прессы». См.: В. Тихов. Страшные сказки, рассказанные дедом Егором, крестьянином бывшего Чердынского уезда Пермской губернии. М., 2000.

опыта прошлых поколений: именно в быличках дается ответ, как поступать в той или иной ситуации, говорится о поведении и способах защиты от нечистой силы и других необъяснимых явлений. Быличка — способ пройти психологическую закалку, а способность преодолевать страх — одна из важных в социализации личности. Не случайно активными рассказчиками и слушателями «страшных историй» становятся дети.

Былички обладают мощным этнопедагогическим потенциалом. В приведенных быличках множество воспитательных моментов. Высказанные в текстах предупреждения ненавязчиво формировали этические рамки, продиктованные нормами крестьянской общинной морали. В текстах быличек, например, звучит осуждение пьянства (именно пьяный человек становится первой и легкой добычей нечистой силы), суицида в любых формах, осуждение пренебрежения к умершим предкам и т.д. В рассказах этих раскрываются моральные и этические принципы нашего народа, отношения в семье и крестьянской общине. Они служат одним из главных методов воспитания с раннего детства нравственного человека. Разумеется, полностью переносить в современный быт все эти каноны нельзя, ведь некоторые из них отражают те стадии развития общества, которые ушли безвозвратно.

В Пермском крае, с его богатыми традициями собирания и изучения местного фольклора, активное изучение и публикация мифологических рассказов началось лишь в начале 1990-х гг., правда, исследовательский интерес к быличке не ослабевает и поныне (*Былички*, 1991; *Правдивые рассказы*, 1993; *Шумов*, 2001; *Нытва*, 2001; *Вишерская старина*, 2002; *Юрлинский край*, 2003; *Карагайская сторона*, 2004). Тексты мифологических рассказов становятся сюжетной основой для художественных произведений (*Тихов*, 1993). Исследователи неоднократно отмечали, что Урал и Сибирь стали теми регионами, где произошло своеобразное оживление мифологической традиции (*Былички*, 1991, 7). Особенность настоящего сборника в том, что он во всем многообразии и многоплановости ярко характеризует одну из локальных традиций южных районов Прикамья.

При анализе куединской мифологической прозы бросаются в глаза и некоторые характерные особенности, выделяющие район на фоне соседних традиций Пермского края. Несомненно, природный ландшафт, характеризующийся переходом к лесостепной зоне, в отличие от тайги Северного Прикамья, повлиял на то, что мифологические представления о лешем в Куединском районе выражены слабо (в сравнении с развитыми традициями северных районов). Такой вывод можно сделать, сравнивая не только былички о лешем, но и о

других духах природы. Характерной особенностью куединской традиции является развитость и многовариантность обереговых форм, ярко проявившихся в приемах защиты от колдуна и «мифологического любовника». Несколько десятков разнообразных и достаточно интересных приемов зафиксировано в куединских деревнях. Ярко характеризуют куединскую традицию, как и традицию ряда других южных районов Прикамья, рассказы и представления о таком мифологическом персонаже, как векшица. Некоторые выявленные нами особенности мифологических персонажей отмечены в разделах сборника.

Одна из причин тематического многообразия куединской несказочной прозы, ее вариативности — сложность формирования русского населения края. С конца XVIII в. земли в поречье реки Буй осваивали русские крестьяне, выходцы как из северных и центральных уездов Пермской губернии, так и из соседних западных губерний — Вятской, Казанской, Нижегородской (Черных, 2002).

Былички — это прекрасный образец фольклора, живого русского языка. Куединские былички демонстрируют яркие примеры живой разговорной диалектной речи: в них немало куединских диалектных слов, местных особенностей произношения звуков. К ярким примерам куединской фонетики, например, можно отнести замену «ч» на «с» или «ш», характеризующую западную часть района, удвоение шипящих звуков (не *катишься*, а *катишиша*), замена «а» на «о» в безударной позиции (*коровашек*). Тексты демонстрируют многие другие особенности разговорной речи куединцев, которые, надеемся, будут полнее описаны в одной из следующих книг, посвященных традиционной культуре русских Куединского района.

На примере куединских текстов мифологических рассказов видна еще одна особенность былички как жанра — ее вариативность. Например, в схожих сюжетах, помещенных в разделе о подмененных детях, могут действовать разные персонажи. Домовой в некоторых текстах заменяется лешим, и наоборот: функции лешего в поиске скотины также приписываются домовому. В некоторых текстах видна и контаминация, т.е. объединение в одном тексте нескольких разрозненных сюжетов. С одной стороны, эти примеры свидетельствуют о живом бытовании традиции, ее многообразии. С другой же стороны, появление контаминированных сюжетов и подмена персонажей свидетельствуют и об определенном разрушении мифологической традиции.

Еще в XIX в. исследователи предсказывали скорый конец мифологических рассказов. Паровозы и самолеты, электричество и телефон, как и другие блага цивилизации, казалось бы, должны были уже

давно вытеснить эти суеверия. Но, как ни парадоксально, быличка продолжает жить, наглядный пример чему — тексты настоящего сборника, записанные лишь в последнее десятилетие XX в., среди информаторов которого — не только старики, захватившие бытование «живой» фольклорной традиции, но и молодое, современное поколение.

Предлагаемый вниманию читателя сборник фольклорных текстов содержит 332 текста, записанных в 30 селах и деревнях Куединского района от 125 информаторов. В сборник мы поместили не только тексты быличек и бывальщин в классическом их понимании, но и приметы, поверья и даже отдельные реплики, раскрывающие всю сложность и многообразие народных мифологических представлений.

Структура сборника во многом определена особенностями собранного материала. Первый раздел содержит тексты и комментарии, посвященные духам природы (лешему, водяному и полуднице); второй — духам построек (домовому и баннику); третий включает мифологические рассказы о подмененных детях; четвертый раскрывает особенности народного восприятия колдовства, колдунов, знахарей, а также рассказывает о насылаемых ими болезнях (килы, порчи, икоты); в пятом разделе помещены рассказы, в которых человек так или иначе взаимодействует с предками; в шестом разделе помещены редкие тексты, раскрывающие феномен народной мифологии и основанные на мистификации явлений природы и предметов быта, на выделении не явленных визуально персонажей. Несколько особняком в сборнике стоит последний небольшой раздел «Рассказы-пародии», тексты которого построены как классическая *быличка*, однако изложенная в них история о встрече с нечистой силой в итоге оказывается курьезом. Появление подобных рассказов отражает некую тенденцию разрушения мифологических представлений, т.к. в них отражена утрата веры в реальность мифических персонажей, а установка на «правду» исчезает.

Каждый раздел сопровождается комментариями. Справочный аппарат сборника содержит указатель информаторов и список использованной литературы. Все тексты, помещенные в сборнике, приведены с сохранением основных лексических, стиливых и, в некоторых случаях, фонетических особенностей народной разговорной речи. В работе используются как записи из полевых тетрадей, сделанные «под карандаш» (1980-е гг., 1993—96 гг.), так и расшифровки аудиозаписей бесед с информаторами (2000, 2002, 2004 гг.). Каждый конкретный текст сопровождается ссылкой на информатора. Первым в

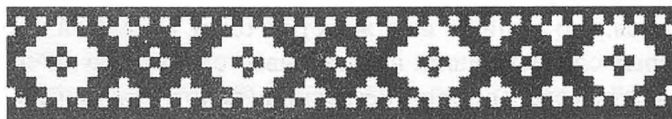
сноске обозначен населенный пункт, где производилась запись, далее — трехбуквенный шифр (по первым буквам фамилии, имени и отчества информатора), далее — год его рождения. Полная информация об информаторах приведена в конце книги.

Основу сборника составили материалы, собранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций 1990—2000 гг. Пермского государственного университета и Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, в которых непосредственное участие принимал автор-составитель сборника. Кроме того, используются материалы фольклорной экспедиции 1989 г. в Куединском районе студентов филологического факультета Пермского государственного университета (рук. К. Э. Шумов), хранящиеся в фольклорном архиве лаборатории «Фольклор Прикамья» Пермского государственного университета⁶, а также материалы экспедиции 2004 г. филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (рук. О. И. Васнева). В результате собирательской и архивной работы удалось объединить значительное количество текстов, со всей полнотой характеризующих одну из локальных традиций Пермского Прикамья. В сборник вошли почти все записи мифологических рассказов, когда-либо фиксировавшиеся фольклористами и этнографами у русских Куединского района Пермской области.

Автор благодарит руководителей фольклорных экспедиций в Куединский район Пермской области Константина Эдуардовича Шумова и Ольгу Ивановну Васневу за предоставленные материалы, администрацию Куединского района Пермской области, управление культуры и управление образования администрации Куединского района за постоянную помощь в организации и проведении фольклорно-этнографических экспедиций, а также всех участников фольклорно-этнографических экспедиций Пермского государственного университета, и лично В.В. Жука, Е.В. Абанькину, В.А. Базанова, О.В. Базанову, Е.С. Базанову, О.В. Градусову, Т.Г. Голеву, М.В. Крысову, М.Е. Суханову. Выражаем глубокую признательность всем жителям Куединского района, с которыми нам посчастливилось встретиться во время экспедиций.

*О. И. Васнева
А. В. Черных*

⁶ Часть текстов, собранных в этой экспедиции, уже опубликована, см.: Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье./Сост. К. Э. Шумов. Пермь, 1991.

РАССКАЗЫ О ДУХАХ ПРИРОДЫ

ЛЕШИЙ

Леший — один из основных мифологических персонажей быличек и бывальщин о духах природы. Среди других духов, представления о которых развиты в традициях русских Куединского района, именно лешему посвящено большее число текстов. Однако особенности хозяйственного уклада, связанные с доминированием земледелия и животноводства, с неразвитостью охоты и лесных промыслов, определили относительную малочисленность представлений о лешем, по сравнению с более северными районами Прикамья (*Былички, 1991*), с территорией Русского Севера (*Криничная, 1993*). Немногочисленны тексты, в которых рассказывается о непосредственной встрече с лесным хозяином, большинство записанных текстов раскрывает лишь общие представления о лешем.

В куединских быличках леший имеет несколько имен: *леший, лешак, лесной, лесной батюшко, лесной хозяин, хозяин, дед, дедушко, лесной суседушко, шайтан*. В некоторых случаях представления о лесном хозяине выражены нечетко, с лешим сближаются черти, нечистики и другие персонажи низшей мифологии. Как и в традициях русских других регионов (*Максимов, 1903; Криничная, 1993*), леший чаще всего предстает в человеческом облике, чаще в виде мужика, дедушки: «Вижу, мужик стоит, рубаха белая...»; «Идет он как-то, ему человек навстречу в шляпе. Рукавички под кушак⁷ заделаны...». Лишь некоторые черты внешности или поведения отличают его от живого человека. В быличке о встрече с лешим из с. Большие Кусты к таким чертам можно отнести вьющиеся полы одежды: «полы у пиджака так и вертятся...», в других текстах как отличительная особенность облика лесного отмечается отсутствие у лешего бровей: «бровей у него нет. Он рукавом лицо вытер, отец и узнал, что бровей нет...». Характерной особенностью лесного в некоторых текстах является наделенность персонажа такими ирреальными чертами, как высокий рост: «такой человек, с елку ростом». Лишь в одном тексте

⁷ Широкий, в данном случае мужской пояс, надеваемый на верхнюю одежду.

упоминается, что леший в лесу живет не один, а с женой, лешачихой. В некоторых случаях леший не показывается человеку, о его присутствии свидетельствует лишь «бесовский» хохот, «звериный» крик: «и по лошадины-то, и по-коровьи-то». Появление лешего часто сопровождается вихрем, сильным порывистым ветром.

Взаимодействие лешего и человека, как правило, происходит в лесу. Наиболее распространенный сюжет рассказов — плутание, «заблуждение» в лесу, что также считается проделками лесного. Противобойствием в таком случае повсеместно в районе считали необходимость переменить обувь (переодеть лапти, правый на левую ногу и наоборот, перевязать оборы лаптя не как обычно, а наоборот, «попокойнишки») и вывернуть одежду. В других случаях найти дорогу помогала произнесенная молитва (Шумов, 1994, С.271).

Пропажа скота в лесу также связывалась с лешим. Одним из действенных способов вернуть пропавший скот из «царства лесного» было жертвование лесному: «...милостыню несут в лес...»; «...хлеб ложишь на три пенька. Говорят, поможет. И говорят: “Лесной батюшка, отдай мне коровушку...”». К жертвованию прибегали и в случае пропажи в лесу человека: «хлеб в лес на пенек носили в разные места, а от пенька шли спиной вперед...». Переодевание обуви, выворачивание одежды, предписание идти от пенька, на котором положена милостыня для лешего, «спиной вперед», т.е. выполнение действий «наоборот», нехарактерных для обычного поведения, позволяет преодолеть невидимую границу мира лесного, выйти из него.

Среди сюжетов, связанных с лешим, выделяется запрет «посылать», «отсылать» к лешему. Считалось, что именно леший уводит проклятых детей, детей, чья мать, ругая ребенка, помянула имя лешего: «...Никогда не ругай ребенка, лешего не поминай, а то ребенка забрать может...». Несколько особняком в приведенных текстах быличек стоит рассказ из д. Еламбуй, в котором леший полностью идентичен домашнему духу домовому-соседке.

Из приведенных немногочисленных текстов о лесном духе, раскрывающих комплекс представлений одной из локальных прикамских традиций, видна, с одной стороны, многофункциональность этого персонажа, а с другой — тесная связь представлений о лесном с природным ландшафтом и характером хозяйственной и промысловой деятельности человека.